

УДК99(С18)

Чиновничество как «высший класс» сибирского общества: численность, уровень образования, материальное положение, влияние на общественную жизнь

И. Л. Дамешек

Восточно-Сибирская государственная академия образования, г. Иркутск

Рассматриваются вопросы численности, образования и материального положения чиновников Восточно-Сибирского генерал-губернаторства во второй половине XIX в.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, чиновники, численность, уровень образования, материальное положение.

В 50–80-е гг. XIX в. административное деление Восточно-Сибирского генерал-губернаторства основывалось на Уставах 1822 г. Огромная территория, на просторах которой могла разместиться не одна европейская держава, подразделялась на Иркутскую и Енисейскую губернии и две области – Забайкальскую и Якутскую. Центрами этих административных образований были соответственно города Иркутск, Красноярск, Чита и Якутск. Основная часть восточносибирского чиновничества размещалась в городах, являвшихся административными центрами губерний и округов. В большинстве крупных городов чиновники составляли значительную группу населения и играли заметную роль в общественной жизни. В Иркутске, столице Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, проживало 53 % всех дворян и чиновников Восточной Сибири. В 1880 г. они составляли 11,8 % населения города. По справедливому замечанию иркутского историка А. А. Кузнецова, чиновники, отличавшиеся более высоким уровнем образования (особенно среди прибывших из Москвы и Петербурга), не могли не сыграть определенной роли в культурной жизни города и оказались у истоков многих культурных явлений Иркутска. В Чите, ставшей в 1851 г. административным центром Забайкальской области, чиновничество являлось «одной из наиболее многочисленных и влиятельных групп населения». А. А. Кауфман характеризовал хабаровское общество начала XX в. как «общество офицеров и чиновников, и все явления, как бы свидетельствующие о сравнительно развитой общественной жизни: библиотека, музей, географическое общество, газета – все это тепличные плоды, выращенные лучами... административного солнца...» [7]. То же можно сказать и о других губернских и областных центрах.

Данные о численности чиновников, социальном составе и уровне образования применительно к изучаемому периоду установить довольно сложно.

Выявленные формулярные списки, входящие в состав документации ведомств и учреждений, немногочисленны и не дают однородного материала, позволяющего делать соответствующие подсчеты и выводы. Поэтому нужные сведения пришлось извлекать из других источников. Здесь необходимо отметить, что практически во всех источниках, содержащих статистические данные о численности населения, чиновники включаются в одну графу с дворянами. Даже материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. не дают ответа на вопрос о численности чиновников России. Поэтому имеющиеся сведения довольно приблизительно, и более или менее точные данные можно получить только при помощи поведомственных подсчетов. Кроме того, число служащих в Сибири постоянно изменялось, поскольку довольно часто производились изменения штатов различных ведомств, добавлялись или убирались отдельные должности, существовало значительное число вакансий.

По отчетам губернаторов, в 1861 г. в Енисейской губернии насчитывалось 497 чиновников, в Якутской области – 114, в Кяхтинском градоначальстве – 72, в Амурской области – 16. В отчетах Иркутского, Приморского и Забайкальского губернаторов за 1861 г. данные о численности чиновников отсутствуют. В «Адрес-календарь Иркутской губернии» за 1863 г. внесено 379 человек, занимающих должности по гражданскому ведомству, 17 должностей оставались вакантными. В сведениях, предоставленных Забайкальским губернатором в Сенат для внесения в Адрес-календарь империи в 1871 г., указано 75 чиновников, служащих в области. Таким образом, всего в Восточной Сибири в начале 1860-х гг. служило порядка 1150 чиновников. По данным А. В. Ремнева, в 1866 г. в Восточной Сибири (без Амурской и Приморской областей) насчитывалось 1355 классных чиновников. Таким образом, если общая численность чиновников Российской империи в середине XIX в. составляла около 61 500 человек, то на долю Восточной Сибири приходилось примерно 2,2 % чиновников. Сопоставив эти данные с данными о площади управляемых административно-территориальных единиц, легко убедиться в том, что такое количество чиновников (особенно если учесть, что значительная их часть была сосредоточена в Иркутске и других крупных административных центрах) вряд ли являлось чрезмерным. А. В. Ремнев приводит вполне сопоставимые данные о численности чиновников Восточной Сибири на 1 июля 1884 г. – 1771 чиновник [8].

Об уровне образования восточносибирских чиновников можно судить на основании данных, собранных ГУВС в 1876 г. по приказу генерал-губернатора. Указанные сведения относятся к чиновникам ГУВС, его отделений и других учреждений гражданского ведомства, расположенных в Иркутске. Обработка данных показала, что ни один из шести членов Совета ГУВС не имел высшего образования (4 человека имели среднее образование, 1 – начальное, 1 – домашнее). Из числящихся на службе в ГУВС чиновников (71 человек) 10 человек обучались в высших учебных заведениях, 32 – в средних, 21 – имели начальное образование и 8 – домашнее. Таким образом, высшее и среднее образование имели только 59 % чиновников ГУВС.

Эти показатели не слишком отличаются от показателей середины XIX в. По сохранившимся формулярным спискам, в 1853 г. из 49 чиновников ГУВС высшее образование имели 11 человек (8 из них приехали вместе с генерал-губернатором Муравьевым), в 1857 г. из 45 чиновников высшее образование имели 13 человек (10 из них – приезжие).

Из 327 чиновников, служащих в прочих учреждениях Иркутска и внесенных в списки, высшее образование имели 6,4 % чиновников, среднее – 53,2 %, начальное – 29 %, домашнее – 10,7 %. Только 16 человек закончили университеты. Около 46 % чиновников получили среднее или начальное образование в учебных заведениях Восточной Сибири (расположенных преимущественно в Иркутске, а также в некоторых окружных центрах – Троицкосавске, Нерчинске и других местах). Как и в предшествующий период, местные чиновники имели преимущественно среднее образование, что объяснялось отсутствием в Сибири высших учебных заведений и трудностями, связанными с получением образования за пределами Сибири (далеко не каждый сибиряк мог позволить себе обучение, скажем, в Петербургском или даже более близком Казанском университетах). Если учесть, что в Иркутске были сосредоточены довольно образованные чиновники, то легко предположить, что уровень образования окружного чиновничества был гораздо ниже. В. И. Вагин отмечал, что уровень образования приезжих чиновников в 60–70-е гг. XIX в. несколько возрос, однако «большая часть из них были или люди светские, искавшие карьеры в связях и протекции, или такие, которые в нравственном отношении стояли чуть выше своих невежественных предместников».

Восточносибирское чиновничество, как и чиновничество российское, было весьма неоднородно по своему составу. Высший его слой составляли генерал-губернаторы и губернаторы губерний и областей, а также чиновники, занимавшие должности V–VI классов (советники ГУВС, советники областных управлений, начальники отделений). В течение изучаемого периода на посту генерал-губернатора Восточной Сибири сменилось пять человек. Все они имели чин генерал-лейтенанта (III класса), кроме Н. П. Синельникова, который в 1873 г. был произведен в генерала от кавалерии.

Чиновники ГУВС, по оценке А. М. Падерина, «были люди весьма различные, как подобает служащим в высшем учреждении, и на чинов губернских присутственных мест смотрели свысока, как на людей высшей расы».

Отзывы о высших чиновниках Восточной Сибири в периодической печати, как правило, благосклонны. Провожая военного губернатора И. К. Педашенко, отбывающего на службу в Енисейскую губернию, городское общество Иркутска поднесло ему звание почетного гражданина г. Иркутска. Н. Г. Романов отмечал, что он сумел и успел оставить по себе добрую память. В 1866 г. Читинское городское общество, «выражая чувство благодарности за полезные услуги, оказанные городу, также преподнесло военному губернатору Дитмару звание почетного гражданина г. Читы.

Не все представители высшей администрации Восточно-Сибирского генерал-губернаторства назначались из числа только что приехавших чиновников. Являвшийся в 1867 г. членом Совета ГУВС от Министерства внутренних

дел действительный статский советник Сукачев имел к указанному году 48-летний стаж сибирской службы. Сын священника, закончивший среднее учебное заведение в Харькове, он прибыл на службу в Сибирь в 1819 г. и начал ее в звании канцелярского служителя. Чин коллежского регистратора Сукачев получил в 1822 г. Кроме того, к 1867 г. он получал прибавочное жалованье в размере 700 руб.

Вице-губернатор Забайкальской области и председатель областного правления коллежский советник А. Д. Лохвицкий, дворянин по происхождению, прибыл на службу в Сибирь в 1841 г. после окончания Московского дворянского института, в возрасте 18 лет. Первый классный чин коллежского регистратора он получил только в сентябре 1843 г. До назначения на пост вице-губернатора он проходил службу на разных должностях в канцелярии ГУВС.

Статский советник В. С. Долгушин, выходец из крестьянского сословия, закончивший полный курс Тобольской гимназии, также некоторое время до назначения прослужил несколько лет на разных должностях в Восточной Сибири и в 63-летнем возрасте был назначен енисейским гражданским прокурором.

Неформальное положение восточносибирского чиновника в структуре органов управления и в обществе часто определялось не классом должности, которую он занимал, или классом его чина, а реальным объемом власти. Очень часто канцелярские служители занимали классные должности, что, соответственно, повышало их статус как в чиновной иерархии, так и в обществе.

Одним из критериев, определяющим положение конкретного человека в обществе, является уровень его благосостояния. В этом смысле восточносибирское чиновничество (кроме некоторых высших его представителей) являлось не слишком обеспеченным социальным слоем, тем более что у большинства чиновников, даже дворян по происхождению, единственным источником дохода было получаемое ими жалованье. Проблема обеспечения чиновников достаточным для нормальной жизни жалованьем оставалась острой на протяжении всего изучаемого периода.

В соответствии с упоминаемыми выше штатами 1874 г., годовое содержание в размере 4 тыс. руб. имели только четыре губернатора (Иркутский, Енисейский, Забайкальский и Якутский), 15 человек (члены ГУВС, высшая губернская администрация) получали ежегодное содержание в размере 2687 руб., 53 чиновника имели жалованье от 1 тыс. до 2 тыс. руб., 170 – от 500 до 1 тыс. руб., 66 – от 100 до 500 руб., а содержание одной из канцелярских должностей составляло только около 90 руб. в год. В сравнении со штатами 1856 г. содержание чиновников V–VI классов не изменилось, а содержание чиновников XIV–VII классов было даже несколько повышено.

Разница в размерах годового содержания высшей администрации и низшего звена чиновничьего аппарата огромна. Высочайшим повелением 4 января 1885 г. исполняющему должность генерал-губернатора Восточной Сибири Игнатьеву было назначено содержание в размере 19 тыс. руб. в год. Ежегодное содержание военного губернатора Забайкальской области в 1887 г. составляло 8 тыс. руб. (в том числе: жалованье – 2050 руб., столовые – 2050 руб., дополнительно от военного ведомства – 3900 руб.), вице-губернатора – 2687 руб. (в том числе: жалованье – 1400, столовых – 600, квартирных – 687 руб.).

В то же время по штатам Управления генерал-губернатора в 1887 г. канцелярским чиновникам полагалось только 900 руб. в год, а канцелярские служители довольствовались еще меньшим жалованьем. Действующие штаты и штатные расписания не устанавливали размер содержания чиновников, включая его в сумму, отпускаемую на канцелярские расходы. Однако закон устанавливал предельно допустимую нижнюю границу годового содержания канцелярских служителей – она не должна была опускаться ниже 120 руб. Генерал-губернаторам предписывалось строго следить за соблюдением этой нормы. Кроме того, главные управления Восточной и Западной Сибири в хозяйственные управления малолюдных городов могли назначать письмоводителей за счет городских доходов, но их жалованье не могло превышать 200 руб. в год.

Бедственное положение большей части чиновничества было прекрасно известно высшей и губернской администрации Восточной Сибири. Енисейский гражданский губернатор генерал-майор Замятин в отчете об обозрении Енисейской губернии, составленном в феврале 1863 г., указывал на «стесненное положение» чиновников губернии, прибывших из Европейской России. «Весьма ограниченное содержание», сопряженное с дороговизной, вынуждает их во всем себе отказывать, и по этой причине «многие из них делаются чрезвычайно равнодушными и холоднокровными к отправлению своих служебных обязанностей и нередко оставляя вовсе службу, стараются отыскать частные занятия, с большим... содержанием», – писал губернатор. Для исправления ситуации он полагал необходимым осуществить прибавку к жалованью всем чиновникам Енисейской губернии или хотя бы давать в распоряжение губернатора по 3 тыс. руб. в год для награждения и поощрения отдельных чиновников (такая практика существовала во внутренних губерниях России). Даже повышенное жалованье чиновников Приморской и Амурской областей не обеспечивало их полностью, на что обращал внимание в своих путевых заметках начала XX в. А. А. Кауфман. Он писал, что оклады чиновников хотя и повышены, «но далеко не в той пропорции, в какой повышены цены на квартиру, прислугу, на продукты и т. п. ...Большинство чиновников... не сводит концы с концами...» [7]. Его замечание показывает, что со второй половины XIX в. ситуация не изменилась.

Одним из незаконных средств для увеличения своего содержания были так называемые темные поборы с населения. Проблему соответствия содержания, получаемого чиновниками Восточной Сибири, реальным жизненным запросам, власти пытались решить на протяжении очень длительного периода. Именно в недостаточном жалованье, по мнению многих авторов того времени, была причина и обоснование взяточничества и казнокрадства.

Если в губернских и областных центрах проживали в основном довольно образованные чиновники, то чиновничество окружного уровня, особенно в отдаленных округах, оставляло желать лучшего. Исследуя Якутскую область, И. Гамов с горечью писал о том, что в самые отдаленные уголки Восточной Сибири приезжают служить «...или самые плохие чиновники, отовсюду прогнанные, или прокутившиеся в метрополии авантюристы», «порядочные люди» просто не хотят отправляться на службу «в такую трущобу из трущоб». Г. По-

танин в одном из писем Ядринцеву в июне 1873 г. писал о том, что Сибирь получает брак во всех отношениях, в том числе и брак чиновников. Тем не менее, Г. Н. Потанин отмечал, что приезжие чиновники оказывали сильное влияние на местное общество, «они поднимали в местном обществе не только запросы внешней культуры, но приучали его интересоваться и русской литературой, и вопросами общественной и государственной жизни». В то же время это были, как правило, люди временные, которые не стремились прочно обосноваться на новом месте, на что указывал еще Ю. А. Гагемейстер, считая одной из причин этого недостаток средств.

Чиновники, проживавшие в городах сибирского Крайнего Севера, помимо основных своих занятий, из-за недостатка средств к существованию вынуждены были, наравне с обывателями, заниматься промыслами (рыболовством, охотой на диких оленей), держали коров и лошадей, имели покосы и пастбища, занимались огородничеством.

В. П. Бойко отмечает невысокий авторитет местной администрации Восточной Сибири и считает, что она «была традиционно слабее, ниже по своему социальному статусу, чем в Европейской России...» [1].

Таким образом, чиновничество, хотя и составляло «высший класс» сибирского общества, не отличалось ни высоким образовательным уровнем, ни благосостоянием. Современники отмечали достаточно большое влияние на местное общество, оказываемое приезжими чиновниками.

Итак, в российском законодательстве XVIII–XIX вв. постепенно намечалась, а затем усиливалась тенденция к оформлению специальных норм, формирующих юридическую основу государственной службы в Сибири. Базируясь на общероссийском законодательстве, организация службы в Сибири в то же время производилась и по специально изданным для этого законодательным актам, в которых законодатель пытался учесть все местные условия. Можно выделить следующие основные тенденции законодательства, регулирующего государственную службу в Сибири. Во-первых, это ориентация на привлечение на службу чиновников из внутренних губерний в ущерб подготовке местных чиновных кадров; во-вторых – намеренное повышение правового статуса восточносибирского чиновничества, призванное сделать службу в Сибири более привлекательной, а само чиновничество – более надежной опорой правительства, осуществляющей управление одной из составных частей государства.

Чиновники Восточной Сибири отличались от российских гораздо большей свободой действий, хотя и были формально связаны нормой закона. В отдаленных местностях, при отсутствии оперативного контроля над деятельностью чиновничьего аппарата, чиновник мог властвовать безраздельно. В итоге бюрократическая юрисдикция оказывалась гораздо шире зафиксированной законом.

Для законодательства, рассматривающего вопросы финансирования государственного аппарата, характерно стремление снизить затраты, в том числе и путем максимально возможного сокращения штатов учреждений. Однако невозможность на практике осуществлять все управленческие задачи, каждая

из которых нуждалась в детальном документальном закреплении, порождавшем огромное количество бумаг, делала необходимым увеличение, а не сокращение штатов.

С такими проявлениями бюрократизма, как бумажная волокита, медленность в решении дел и проч., пытались бороться, но основная масса законодательных актов скорее закрепляла бюрократические принципы управления, чем пыталась их смягчить.

В целом политика правительства по отношению к сибирскому чиновничеству, заключающаяся, прежде всего, в желании привлечь и удержать на службе при помощи предоставления разного рода льгот и преимуществ, не решала проблемы. Все или почти все попытки изменить ситуацию оказывались малоэффективными. Государство так и не нашло средства, способного улучшить качественные характеристики чиновничьего аппарата, сделать его более приспособленным к условиям абсолютистского государства. Как это уже не раз случалось в других сферах, нормы, формально закрепленные законом, оказывались бессильны или малоэффективны в реальных жизненных условиях.

Такие характеристики восточносибирского чиновничества, как невысокий образовательный уровень, пестрый социальный состав с преобладанием выходцев из непривилегированных сословий, низкий у большинства чиновников уровень благосостояния, делали весьма своеобразным его положение в составе сибирского общества. В связи с отсутствием дворянского сословия, чиновничество занимало образованную этим социальную нишу, но при этом не вполне соответствовало понятию «высшего класса».

1. *Бойко В. П.* Социально-психологические особенности сибирской буржуазии второй половины XIX века (По мемуарным источникам) // Вопросы истории дореволюционной Сибири : сб. ст. – Томск, 1983. – С. 102.

2. *Буцинский П.* [Рецензия]. – [Б. м., б. г.]. – Рец. на кн.: Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Сочинение Ивана Барсукова.

3. *Воробьев В. В.* Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки) / В. В. Воробьев. – Иркутск : [б. и.], 1959.

4. *Гагемейстер Ю. А.* Статистическое обозрение Сибири. Ч. 1 / Ю. А. Гагемейстер. – СПб. : [б. и.], 1854.

5. *Дамешек Л. М.* Губернская администрация Сибири XIX – начала XX вв. Компетенция и социология власти // Северо-Восток Сибири XIX– XX веков: власть и общество : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рожд. губернатора Якутской области И. И. Крафта. – Якутск, 2012.

6. *Дамешек Л. М.* Сибирь в системе имперского регионализма. (1822–1917 гг.) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Palmarium Akademik Publishing is a trademark of: LAP LAMBERT Akademik Publishing GmbH 8 Co. KG Heinrich – Bochkinh- Str.8, 66121 Saarbruchkn, Germanu. 441.

7. *Кауфман А. А.* По новым местам (Очерки и путевые заметки). 1901–1903 / А. А. Кауфман. – СПб., 1905.

8. *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков / А. В. Ремнев. – Омск, 1997. – 356 с.

9. *Сафронов Ф. Г.* Города северо-восточной Сибири в конце XVIII первой половине XIX в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). – Новосибирск, 1978.

The Officials as the «Upper Class» of the Siberian Society: Their Number, Educational Attainment, Financial Condition, Influence on the Society

I. L. Dameshek

East-Siberian State Academy of Education, Irkutsk

The article examines the questions of the number, educational attainment and financial condition of the officials served in the East Siberian Governorate General in the second half of the XIXth c.

Key words: Eastern Siberia, the officials, the number, educational attainment, financial condition.

Дамешек Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Восточно-Сибирской государственной академии образования, 664009, г. Иркутск, ул. Н. Набережная, 6, тел. 8(3952)240700, e-mail: dameshek@rambler.ru

Dameshek Irina Lvovna – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia, the East-Siberian State Academy of Education, 664000, Irkutsk, Lower Embankment St., 6, phone 8(3952)240700, e-mail: dameshek@rambler.ru